

Атакулова М.А.

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ИНВАРИАНТОВ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

М.А. Atakulova

FOR THE (MATTER) PROBLEM OF RELATIVITY UNVARIANTIES IN THE SYSTEM OF THE LANGUAGE

В статье демонстрируется разноуровневый и относительный характер понятия инвариантности на материале грамматики и лексики языка.

In this article has given relative characters of the conception unvarianties in the material of grammar and lexic of the language.

Понятие инварианта не «консервативно», а динамично, используется при характеристике сложноустроенных и многоуровневых объектов. Его содержание меняется как в соответствии с характером и свойством отражаемых объектов, так и в соответствии с позицией и целями исследователей. Поэтому мы можем говорить об иерархии инвариантов и инвариантности и их иерархичном представлении. Этим и можно объяснить тот факт, что в математике встречаются термины инвариантное пространство и инвариантное подпространство, инвариантное множество и инвариантное подмножество.

Понятие инварианта обладает свойством относительности. Еще Р.О. Якобсон тесно связывал эти два понятия. Идею относительности он трактовал как «обратную сторону понятия инвариантности».

Относительный характер инвариантов и вариантов отмечается в трудах В.М.Солнцева, А.В.Бондарко, К.З.Зулпукарова и других языковедов. Например, А.В.Бондарко пишет: «В многоуровневой системе значений и функций то, что является вариантом по отношению к более высоким уровням системной иерархии, может рассматриваться как «частный инвариант» по отношению к элементам более низких уровней». По его мнению, обобщенно-фактическое значение несовершенного вида есть вариант по отношению к инвариантному значению совершенного вида. Последнее выступает как вариант по отношению к категории вида в целом. Значение этой категории, в свою очередь, охватывается более высоким инвариантом семантики аспектуальности. Аспектуальность вместе с темпоральностью, временной локализованностью, таксисом и временным порядком рассматривается как одна из категорий, в которых раскрывается общая идея времени-инварианта более высокого уровня.

Основная масса инвариантов в сфере языковой семантики обладает свойством относительности в указанном смысле. Но имеются в грамматике инварианты высшего ранга, такие, как модальность, персональность, субъектность, объектность, качественность, количественность и т.д., которые могут рассматриваться как макроинварианты грамматической семантики. А понятие предикативности, в свою очередь, стоит над этими макроинвариантами, обобщая и включая в свою структуру идеи времени, модальности и персональности.

Как же соотносятся общие и частные значения грамматических форм? Каковы границы, в пределах которых целесообразно использовать понятие инварианта?

Обратимся к семантике падежной системы в русском языке. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой функционально-семантические поля падежей выходят за пределы грамматической (морфолого-синтаксической) семантики, охватывая многообразные и полиаспектные функции разнородных языковых единиц в пределах парадигматико-семантического строя категории падежа.

Падежные значения складываются из самых различных элементов и формируются с помощью комплекса единиц языка. Они многослойны и разнородны. Они **могут быть обобщены, систематизированы и разгруппированы по крупным блокам со своим ядром и периферией**. Эти блоки не симметричны и не автономны. Между ними существуют постепенные переходы, частичные пересечения, общие сегменты, промежуточные звенья. В определенных своих частях подобные семантические блоки сближаются друг с другом, перекраивают друг друга. Есть такие семантические сегменты, которые одной своей стороной входят в одну сферу одного поля, другой своей стороной находятся в пределах второго и третьего полей.

Падежные значения часто формируются на пересечениях разных уровней анализа. В них сложно переплетаются синтаксические явления с морфологическими, грамматические с лексическими, собственно языковые с понятийно-языковыми, языковые с внеязыковыми и т.д.

Поэтому падежные значения русского языка трудно определяются и поддаются систематизации. В результате одни и те же явления категории падежа истолковываются разными авторами по-разному. Для характеристики одних и тех же падежных образований грамматисты приводят самые разные термины и дефиниции, распределяя их по самым различным группам с различной степенью обобщенности. Например, три формы творительного падежа: 1) *дышать полной грудью*, 2) *лететь стрелой* и 3) *лететь стаями* Т.И.Дешериева соответственно называет формами образа и способа действия (1), сравнения и превращения (2), меры и количества (3), А.А.Потебня – формами орудия, средства (1), уподобления (2), образа действия (3), В.М.Филиппова – способами совершения действия (1, 2, 3), Д.Э.Розенталь, М.А.Теленкова – формами образа и способа действия (1), сравнения (2), совокупности, количества (3) и т.д. Из этого видно, что языковеды по-разному определяют, обобщают и называют значения падежных форм.

Использование понятия инварианта в установлении иерархической организации падежной семантики позволяют адекватно представить и непротиворечиво описать систему значений падежа. Например, значения родительного падежа: 1) составной элемент предмета (*ствол дерева, кран от самовара, ария из оперы, ручка у корзины*); 2) единичное в общем (*представитель парнокопытных, гражданин Кыргызстана, каждый из нас*); 3) определенная часть целого (*килограмм риса, двое из присутствующих*); 4) неопределенная часть целого (*некоторые из гостей, большинство студентов, часть слушателей*); 5) отделение части от целого (*принеси воды, подлей масла, останови последних*) и т.д. имеют инвариантное значение «часть целого».

Точно так же инвариант «исхождение» состоит их частных значений: 1) исхождение изнутри предмета (*тропинка из роуци, вынуть из сумки, выстрелить из ружья*); 2) исхождение из-за предмета (*кулак из-за спины, выстрелить из-за угла*); 3) исхождение из-под предмета (*пыль из-под колес, выскочить из-под навеса*); 4) исходный пункт действия (*выехать со станции, отправить из Киргизии*) и т.д. Значение «исхождение» является однородным и однопорядковым по отношению к значениям «источник», «происхождение», «удаление», «часть целого» и т.д. и вместе с ними образует содержание инварианта «генезис явления». «Генезис явления» наряду с такими крупными семантическими полями, как направленность, субъектность, местонахождение и т.д., выступает в качестве важного компонента крупного инварианта – «падежа вообще».

Таким образом, мы склоняемся к выводу о том, что термин «инвариант» можно использовать по отношению к частным значениям грамматических форм, допуская возможность говорить об инвариантах «часть целого», «исхождение», «удаление» и т.д. В принципе в рамках определенной микросистемы семантических единиц допускается возможность определения их общего свойства. Это общее свойство и служит инвариантом данной совокупности смысловых единиц категории падежа. Если непосредственным предметом анализа выступают разновидности значения «часть целого», то это значение условно можно рассматривать как инвариант – именно и только в данной микросистеме, данной сфере исследования. Однако в более широкой системе статус инварианта за значением «часть целого», конечно, не сохранится. Соотношение со значением «генезис явления» как базисным инвариантом явно закрепит за значением «часть целого» статус варианта, а его разновидности окажутся «суб-вариантами». Исходя из изложенного, частные значения целесообразно рассматривать как варианты по отношению к категориальным значениям грамматических форм. Такой подход открывает перспективу адекватного описания многоступенчатой системы вариативности. Частные значения грамматической формы и их разновидности проявляются и реализуются в различных условиях речевой ситуации, контекста, лексического значения словоформ, в различных видах и типах текстов. Все, что находится ниже на «семантической лестнице» категории, может быть отнесено к сфере вариантов.

Идеи о вариантах и инвариантах не являются абсолютными правилами. **Связь между вариантами и их инвариантом носит относительный характер и не является постоянным и данным раз на всегда.** Наличие инварианта и его вариантов отличается на всех уровнях языковой системы. Относительность инвариантов и вариантов характеризует те тенденции и доминирующие нормы, которые свойственны языку, и определяется выбранным исследователем «ступеньки» описания, целями и задачами исследования. Относительность инвариантов и их вариантов не меняет общей и объективной системы языка, в которой **общие и основные значения грамматических форм выступают как инварианты, а частные – как варианты.**

Оппозиция инвариантности/вариантности носит универсальный характер. Она применима к исследованию всех уровней системы языка, к определению соотношения языка и речи, к изучению текста и дискурса, стилистики и

лингвопоэтики. Идея инвариантности применима к описанию межуровневых свойств лексики, морфологии и синтаксиса.

Приведем отдельные примеры. Снова обратимся к понятию лица в языке. Оно выражается и лексически, и грамматически. Грамматическое выражение относится к сфере морфемики, морфологии спрягаемых частей речи – глагола в славянских языках, имени и глагола в тюркских языках, к сфере категории сказуемости (предикативности) в синтаксисе. Лексическую систему лица образуют лично-прониминальные лексемы языка. Единицы этой лексико-грамматической парадигмы соотносятся друг с другом по-разному. Они распределяются между собой на классы по двум критериям – по критерию числа и по критерию участия лица в общении. По первому критерию они делятся на две группы – формы единственного числа и формы множественного числа, по второму критерию – на три группы: формы со значениями «позиция производителя речи», «позиция адресата речи» и «позиция не-участника общения». Связь между соответствующими членами парадигмы тождественна на лексико-семантическом и морфологическом уровнях. Лексико-семантический или лексико-грамматический уровень составляют личные местоимения, а морфологический – личные окончания в лично-предикативном и лично-посессивном спряжении. Одна и та же единица в одном отношении объединяется с одним классом единиц, в другом – с другим классом единиц. Например, личное местоимение со значением «я», представляя позицию производителя речи, объединяется с местоимением со значением «мы», представляя лицо в единственном числе, объединяется с местоимениями со значениями «ты», «он», «она», «оно». А местоимение со значением «ты», являясь выразителем позиции собеседника, включается в одну группу с местоимением в значении «вы», а указывая на лицо в единственном числе, входит в одну группу с местоимениями со значениями «я», «он», «она», «оно». Так устанавливается **иерархическое взаимоотношение** всех лексем, образующих группу личных местоимений. Такую же иерархию семантических отношений имеют лично-предикативные аффиксы, например, глагола. Личные местоимения и лично-предикативные аффиксы с точки зрения семантики изоморфны и функционально соотносительны во всех славянских языках. В тюркских языках типа кыргызского состав личных прономинативов несколько иной. Адресат в этих языках представлен двумя классами лексем, поскольку дифференцируются уважительные и неуважительные формы выражения лица. Если в

славянских языках лицо представлено только личными местоимениями (лексически-семантически) и личными окончаниями глагола, в тюркских – формами личных местоимений, системой аффиксов лично-посессивного и лично-предикативного спряжений. В этих языках спрягаются почти все субстантивные, адъективные, прономинальные, причастные, деепричастные и другие типы лексем.

Из изложенного явствует, что в языке имеется идея лица. «Лицо вообще» есть инвариант данной категории. Содержание инварианта «лицо» многопланово и разнородно. Оно выделяет внутри себя разновидности – личное спряжение, личные прономинативы, сочетание форм спряжения и личных прономинативов (парасинтагмы лица). Личные прономинативы допускают разбиение по участию в общении и делят лиц на участников общения и не-участников общения. Участники общения – первое лицо (адресант) и второе лицо (адресат). Второе лицо тоже не однородно – язык различает две категории лиц – уважаемых и неуважаемых.

Таким образом, понятие лица организованно не просто. Оно допускает внутриклассное деление. Не-участники общения противопоставлены участникам. Участники общения делятся на «первое лицо» и «второе лицо». В такой иерархии лица понятие инварианта/варианта представляется динамично: инвариантное значение 1-го лица обобщает значения «я», «я и ты», «я и он», «я и члены моей семьи», «я и мои сторонники» и т.д.; инвариантное значение 2-го лица – значения «ты», «Вы», «ты» и ты», «ты и он», «ты и твоя семья», «ты и твои сокурсники» и т.д. Ясно, что инвариантное значение «участники общения» включает в свою семантику все разновидности местоименных значений, подводимых под понятия «первое лицо» и «второе лицо».

Разные типы грамматических значений связаны с разными степенями и ступенями инвариантности.

В грамматической семантике А.В.Бондарко различает два типа семантических инвариантов:

1) неограниченная инвариантность общих значений, распространяющаяся на всю сферу функционирования данной категории;

2) ограниченная инвариантность основных значений, покрывающая центральную сферу употребления грамматической категории, но не распространяющаяся на сферу периферийных употреблений.

Такое понимание инвариантности имеет некоторые особенности. К неограниченной инвариантности могут быть отнесены только те значения грамматической формы, которые обобщают и охватывают все сферы ее употребления. К ограниченной инвариантности относятся

только основные значения. Основными называются наиболее продуктивные, регулярно встречающиеся и распространенные значения. В сфере основных значений тоже сохраняется соотношение общего и отдельного, типа и подтипов, вариантов, частных случаев. При этом общее обуславливается системой грамматических форм, а отдельное зависит от ситуаций, условий и контекста общения. Основное значение по своей природе тяготеет к прототипическому, т.е. инвариантному значению. Основные значения как бы окружают общие значения, создавая фон для их выражения, и обеспечивают постепенный переход между неограниченной инвариантностью и периферийными употреблениями грамматической формы.

В данном случае во внимание принимается идея системной доминантности основных значений. Признание ограниченной инвариантности важно для определения сущности грамматической категории и для сближения общих и основных значений, являющихся категориальными. **Не только общие, но и основные значения способны образовывать базис понятия инвариантности, поскольку и те, и другие остаются неизменными при всех трансформациях их окружения, ситуаций и**

условий речевого общения. Между общими и основными значениями грамматической формы нет резкой грани, нет существенной разницы.

Для реализации категориальных грамматических значений как неограниченных, так и ограниченных инвариантов существенны такие факторы, как функция и характер речевого акта (информация о факте, описание, повествование, повеление, реплика) и соответствующий тип речи (монолог, диалог, полилог; оценка, объяснение и т.д.).

Сказанное позволяет говорить о разнотипности, разнохарактерности и разнообъемности понятия инварианта и многообразии соотношения инвариантов и вариантов в языке.

Литература

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры. 2002. – 736 с.
2. Зулпукаров К.З. Введение в русскую казуологию. – Б., 2001. – 175 с.
3. Математическая энциклопедия. Том 2. – М., 1979. – 1104 с.
4. Якобсон Р.О. Избранные работы. – М., 1985.